жают работать и сейчас[3], не только комментируя, но и предлагая новые чтения.

Разберем один пример из Гомера, воспользовавшись комментарием М. Руйпереса и Х. Вары [17] к стиху Il. 21.602 ἕως ὁ τόν πεδιοτο διώκετο πυροφόροιο. Это единственный из 24 примеров в Илиаде, где глагол διώκω имеет медиальную форму, нарушающую при этом размер стиха. М. Руйперес и Х. Вара восстанавливают древнюю форму актива *διώκετ, при которой и значение, и смысл стиха, а также метрика приобретают надлежащий вид. В грамматике П. Шантрена [18] отмечен как подозрительный целый ряд форм на –ετο, за которыми может стоять древнее окончание актива *-et, то есть случаи, когда медиальные формы стоят вместо активных. Например, глагол ἀκούω употребляется у Гомера лишь в активе (только футурум имеет медиальные окончания: O 96 ἀκούσεαι, 199 ἀκούσονται). Имперфект медия в I1.4,33 ἔστασαν· οὐ γὰρ πώ σφιν ἀκούετο λαὸς ἀυτῆς оказывается полностью изолированным и, вероятно, скрывает более древнюю форму *ἀκούετ. Функциональный анализ этого глагола детально проведен в строго организованных разделах DGE [19, s.v. ἀκούω], где выделено не только глагольное управление, но и сочетаемость с одушевленным/неодушевленным объектом (слушать слово/царя) или употребление презенса вместо перфекта. Эти гомеровские примеры, где активные и медиальные окончания способны путаться по чисто метрическим причинам, действительно показывают стирание различий между формальным выражением залоговых оппозиций актива и медия. Причем, поскольку мы располагаем только свидетельствами о замене активных форм медиальными, а не наоборот, можно говорить – вслед за И.А. Перельмутером – в первую очередь о десемантизации именно медиальной флексии и датировать этот процесс рубежом II–I тыс. до. н.э.

Иногда метаязык перевода (а он русский, французский и немецкий) влияет на интерпретацию. На с. 60, основываясь на трех переводах, автор формулирует: "Геты считают *себя* бессмертными". Но этот перевод может быть поставлен под сомнение: буквально "Геты, – сообщает Геродот, – *бессмертствуют* (ἀθανατίζουσι)". Основное значение, согласно LSJ, не упомянутое автором – это "делать бессмертным", причем не столько каузатив, сколько образование, параллельное μακαρίζω "считать блаженным" (не обязательно себя, но вообще любого другого). Для литературного перевода понимание "считают *себя* бессмертными" заимствовано из следующего по контексту οὔτε ἀποθνήισκειν ἑαυτοὺς νομίζουσι "они считают, что они не умирают". Похоже, что они полагают, что "они не умирают естественной смертью", поскольку смерть от несчастного случая оговорена отдельно: погибшие уходят к Салмоксису, но все равно не умирают. Переводчики вносят этот комментарий Геродота в предшествующий текст, где *бессмертствовать* появляется не случайно: геты не бессмертны (ἀθάνατοι), но они или "несмертельные", как Голован в рассказе Лескова, или же считают, что смерти вообще нет. Во всех переводах на новые языки ἀθανατίζω заменено на ἑαυτοὺς νομίζουσι ἀθανάτους, чего у Геродота нет так же, как нет идеи *бессмертствовать* в современной европейской культуре. Значит ли это, что в данном примере нет разницы между активом и пассивом, как это утверждает И.А. Перемультер?

Второй пример касается глагола ξηραλοιφεῖν "натираться маслом". Разбирая единственный пример из законов Солона, в котором речь идет о запрете для раба μή ξηραλοιφεῖν μηδὲ παιδεραστεῖν "натираться маслом и любить мальчиков", автор видит и здесь прямо-возвратную функцию, выраженную активной формой глагола. Между тем "натираться маслом" выражает глагол χέτλοῦσθαι, производный от глагола χέω "лить"; это последнее рабу разрешалось в той же мере, как и свободному. Не разрешалось специальное "сухое" использование масла: "rub dry with oil", как переводит это LSJ. Речь идет о специальном приеме, которым пользовались борцы. Возвратного значения здесь не больше, чем реципрока в παιδεραστεῖν. И там и там прямо-объектный актив: рабу запрещено использовать сухой способ натирки маслом и запрещено любить мальчиков.

На с. 53 Диоген Лаэрций приведен в переводе И.М. Тронского (автор перевода не указан), а не в последнем по времени переводе М.Л. Гаспарова: «Сказуемое – это то, что говорится о чем-то, или же (по определению школы Аполлодора) вещь, связанная с какой-то, или с какими-то другими, или же недостаточное высказывание, связанное с прямым падежом для образования суждения. Среди сказуемых иные – личные: например, "плыву меж скал" … [лакуна, которую восполняют так: иные – безличные]. Далее, среди сказуемых иные – прямые, иные – обратные, иные – средние. Прямые – это те, которые согласуются с одним из косвенных падежей, например: "слышит", "видит", "говорит"; обратные – те, которые согласуются со страдательными оборотами, например: "слышится", "видится"; средние – те, которые не согласуются ни с тем, ни с другим, например: "мудрствует", "гуляет". Противострадательные сказуемые (т.е. возвратное действие, средний залог) – это те, которые числятся в обратных,

[3] При толковании не учтены последние монументальные комментарии к Гомеру [15, 16]. Лингвистический анализ в них не всегда полон, но рукописные варианты текста обследуются самым внимательным образом.